

УДК 811.511.131'27

*Л.Л. Карпова***ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСИЛИТЕЛЬНО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В НИЖНЕЧЕПЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА***

Осуществляется анализ особенностей усилительно-личных местоимений нижнечепецкого диалекта, входящего в северное наречие удмуртского языка. Актуальным вопросом является выявление основы и места данной территориально-языковой разновидности в севернорудмуртском диалектном пространстве. Особое внимание уделяется описанию специфических черт, отличающих исследуемый диалект от других говоров севернорудмуртского ареала. Подробно освещаются специфические явления в системе словоизменения усилительно-личных местоимений. Выявляются особенности в количественном составе падежей. Отмечаются специфические явления во внешнем оформлении отдельных падежей. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. Приведенные данные показывают, что по основным особенностям словоизменения усилительно-личных местоимений нижнечепецкий диалект проявляет наибольшее сходство со среднечепецкими говорами севернорудмуртского наречия. Исследование основано на материалах, собранных автором в результате нескольких экспедиций 2014–2017 гг. к нижнечепецким удмуртам.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная морфология, северные диалекты, нижнечепецкий диалект, усилительно-личные местоимения, словоизменительная парадигма.

Северное наречие удмуртского языка на сегодняшний день еще не получило должного всестороннего научного освещения, особенно с точки зрения современных синхронных отношений. При имеющихся описаниях отдельных территориально-языковых разновидностей в пределах северного наречия [4; 5; 8; 9. С. 48-56 и др.] или определенных языковых явлений на материале всего удмуртского диалектного континуума [14. С. 32-36; 15] в настоящее время пока отсутствует целостное научное представление о диалектах севернорудмуртского ареала. Из трех диалектов (верхнечепецкий, среднечепецкий, нижнечепецкий), выделяемых в пределах северного наречия, наиболее изученным является среднечепецкий. До настоящего времени в научной литературе не нашли детального анализа нижнечепецкие говоры, занимающие крайнюю северо-западную территорию удмуртского языкового пространства. Носителями указанных говоров являются удмурты-ватка, проживающие отдельными островками в массе русских селений в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском и Богородском районах Кировской области. Функционирование языка нижнечепецких удмуртов в условиях языкового острова в результате отрыва от основного этнического массива, сильное влияние окружающих русских говоров способствовало развитию в нем целого ряда специфических особенностей фонетического, морфологического, лексического и синтаксического характера. Нижнечепецкие говоры исследованы довольно эпизодически и в различной степени. Впервые они были описаны Т.И. Тепляшиной в статье «Нижнечепецкие говоры севернорудмуртского наречия» [21. С. 156-196]. Некоторые данные, касающиеся лексических и фонетических особенностей слободского говора нижнечепецкого диалекта, нашли отражение в работах Г.А. Архипова [1. С. 84-92; 2. С. 162-168; 3. С. 3-13] и Н.М. Люкиной [17. С. 152-154]. В последнее время в рамках ареального изучения севернорудмуртских диалектов нами предпринято системное обследование языка удмуртов, населяющих нижнечепецкий регион [11. С. 17-36; 10. С. 107-114; 12. С. 7-24].

В составе нижнечепецкого диалекта принято выделять две группы говоров: слободской и косинский (далее в примерах – сл., кос. соответственно) [21. С. 157-158; 11. С. 18]. По своим наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам указанные говоры между собой довольно близки. Одновременно следует отметить и некоторую неоднородность говоров, возникшую, на наш взгляд, в процессе формирования указанных двух локальных групп. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала также выработке отдельных особенностей в их языках.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Полевое исследование нижнечепецких удмуртов: этническая и языковая картина в современных условиях» (№ 17-11-18601 «е (р)»).

Данное исследование посвящено описанию особенностей функционирования усилительно-личных местоимений в нижнечепецком диалекте. Как было отмечено выше, в составе северноудмуртского наречия, помимо нижнечепецкого, выделяется еще два других диалекта: верхнечепецкий и среднечепецкий (далее в примерах – вч., сч. соответственно). Поэтому в целях установления общности и специфики исследуемого диалекта в северноудмуртском диалектном ареале фактический материал интерпретируется в контексте других северных диалектов.

1. В номинативной форме усилительно-личные местоимения нижнечепецкого диалекта не проявляют больших отличий от соответствующих местоимений других удмуртских диалектов, различия в большей степени прослеживаются в парадигмах склонения как в единственном, так и во множественном числе.

1.1. Формы единственного числа описываемых местоимений в нижнечепецком диалекте представлены следующими вариантными формами: *ачим* / *ачым* ‘я сам’, *ачид* / *ачыд* ‘ты сам’, *ачиз* / *ачыз* ‘он(а) сам(а)’. Примеры: *старикэ ачиз кз лэ зы картош копаны*. Берез. ‘Муж мой **сам** не разрешил картошку копать’; *мон ачым мэтско вал дышэтскыны инст’итутын*. Ок. ‘**Я сама** собиралась учиться в институте’. Наши материалы показывают, что в диалекте более широкое распространение имеет *и*-овая огласовка форм данных местоимений. Употребление *ы*-овых форм в единичных случаях нами отмечено лишь в речи представителей пожилого возраста. Формы местоимений *ачым*, *ачыд*, *ачыз* бытуют также в бесермянском наречии [22. С. 187; 18. С. 93] и территориально отдаленном кукморском говоре [13. С. 342]. Широко представлены эти формы и в коми диалектах [19. С. 165]. По мнению исследователей [20. С. 201; 23. С. 236], первичными по происхождению являются формы *ачым*, *ачыд*, *ачыз*, восходящие к прапермскому периоду. Таким образом, из удмуртских диалектов только нижнечепецкие говоры, бесермянский и кукморский диалекты сохраняют архаичные формы указанных местоимений.

Номинативные формы множественного числа усилительно-личных местоимений в нижнечепецких говорах функционируют в следующих вариантах: *ачимэс* / *ачымэс* ‘мы сами’, *ачидэс* / *ачыдэс* ‘вы сами’, *ачизэс* / *ачызэс* ‘они сами’. Примеры: кос. *ачидэс ты рэ, кэн’а кулэ салатсэ*. Берез. ‘**Вы сами** накладывайте, сколько нужно салата’; кос. *тил’эдэс корка ум э тис’кэ, гужэмзэ ачымэс но л’э тн’эй коркан улыс’ком*. Ок. ‘Вас в дом не приглашаем, летом **мы сами** тоже больше в летнем доме живем’. Формы *ачимэс*, *ачидэс*, *ачизэс* широко распространены также в среднечепецком диалекте [8. С. 51]. Нижнечепецкие местоимения *ачымэс*, *ачыдэс*, *ачызэс* образованы присоединением к формам местоимений *ачымэ*, *ачыдэ*, *ачызэ* (здесь элементы *-мэ*, *-тэ*, *-сэ* представляют собой варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа) показателя множественного числа *-ос*. В результате выпадения гласного *о* показателя множественного числа имеем стяженные формы: *ачымэс* < *ачымэ+ос*, *ачыдэс* < *ачыдэ+ос*, *ачызэс* < *ачызэ+ос*. Аналогичным образом возникли формы *ачимэс*, *ачидэс*, *ачизэс*: *ачимэс* < *ачимэ+ос*, *ачидэс* < *ачидэ+ос*, *ачизэс* < *ачизэ+ос*.

В говорах верхнечепецкого диалекта оформление соответствующих местоимений не представляет единства. В кезском говоре отмечается функционирование параллельных форм *асмэс* ~ *ас’мэс*, *астэс* ~ *ас’тэс*, *ассэс* ~ *ас’сэс*. Помимо этого, в говоре с. Полем спорадически встречаются также формы *ачмэс*, *ачтэс*, *ачсэс*. В дебесском и зуринском говорах в основном бытуют формы *ас’мэос*, *ас’тэос*, *ас’сэос*, однако изредка в речи представителей старшего поколения (дд. Зар-Медла, Такагурт, Нижний Тыловый Дебесского района) встречается употребление вариантов *ачмэос*, *ачтэос*, *ачсэос*.

Нижнечепецкие формы *ачимэс*, *ачидэс*, *ачизэс* встречаются также в кукморском периферийно-южном говоре [13. С. 342-343]. В большинстве удмуртских диалектов плюральные формы усилительно-личных местоимений образуются присоединением к основе *ас’-* показателей *-мэ*, *-тэ*, *-сэ*, представляющих собой варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа, и суффикса множественного числа имен существительных *-ос*: *ас’мэос*, *ас’тэос*, *ас’сэос*.

2. Формы косвенных падежей рассматриваемой группы местоимений в нижнечепецком диалекте также обнаруживают как фонетические различия, так и отличия по способу образования.

2.1. В описываемом диалекте особое внимание привлекают формы аккузатива 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа: *аслымэ* ‘меня самого’, *аслыдэ* ‘тебя самого’, *аслызэ* ‘его самого’. Примеры: сл. *ой, огн’ам карттэк улыса, вокс’о мон аслымэ кй жа л’ал’ла*. Пес. ‘Ой, живя одна без мужа, совсем я **сама себя** не жалела’; кос. *монэ аслымэ ыстыли зы лафкайэ, мыным сокы шэс’с’ л’эт вал, вылды*. Сиб. ‘**Меня саму** отправляли в магазин, мне тогда шесть лет было, наверное’. Указанные формы образованы от генитивных основ *аслам* ‘мой свой’, *аслад* ‘твой свой’, *аслаз* ‘его (ее) свой’

посредством падежного показателя -э. Подобные формы бытуют также в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта. В остальных северных говорах, как и в других удмуртских диалектах, рассматриваемые формы образуются от основы *ас-* + соответствующий лично-притяжательный суффикс + падежный формант -э: *асмэ, астэ, ассэ*.

2.2. Аккузатив усилительно-личных местоимений множественного числа в нижнечепецком диалекте представлен местоимениями *аслэмэс* 'нас самих; нас с вами', *аслэдэс* 'вас самих', *аслээс* 'их самих'. Примеры: сл. *концэрт дас'аны кури-зы аслэмэс ик, но кы-з'ы мыно-мы к а рэ, ум то-дис'кэ, афтобусмы к'вкл*. Свет. 'Концерт попросили подготовить **нас самих** же, но как поедem в Слободской, не знаем, автобуса нет'; кос. *пинал'л'осты аслээс ысти-зы канфэт понна лафкайэ*. Берез. 'Детей **/их/ самих** отправили за конфетами в магазин'. Подобные формы, наряду с формами *аслэмэс(ты)* и *ачимэсты, аслэдэс(ты)* и *ачидэсты, аслээс(ты)* и *ачизэсты*, распространены в ареале среднечепецкого диалекта, в частности, в юкаменском и ярском говорах.

В говорах верхнечепецкого диалекта аккузативные формы плюральных усилительно-личных местоимений представлены несколькими формами, употребление которых не имеет единства в говорах: *асмэсты / ас'мэды / ас'мэдыс, астэсты / ас'тэды / ас'тэдыс, ассэсты / ас'сэды / ас'сэдыс*.

Нижнечепецкие местоимения *аслэмэс, аслэдэс, аслээс* представляют собой стяженную форму от соответствующих местоимений *аслэмэсты, аслэдэсты, аслээсты*. Формы *аслэмэсты, аслэдэсты, аслээсты*, в свою очередь, возникли путем присоединения к генитивной форме единственного числа *аслам, аслад, аслаз* падежного маркера -эсты. Под ассимилятивным влиянием гласного э падежного показателя -эсты гласный а основы преобразуется в э: *аслэмэсты* (< *аслам + эсты*), *аслэдэсты* (< *аслад + эсты*), *аслээсты* (< *аслаз + эсты*).

2.3. В нижнечепецком диалекте генитив множественного числа усилительно-личных местоимений функционирует в формах *аслам* 'у нас у самих', *аслад* 'у вас у самих', *аслаз* 'у них у самих', которые совпадают с генитивной формой единственного числа. Примеры: кос. *вэз'д'э аслам нуосмы лоийас'ко*. Ас. 'Везде наши ('у нас у самих') дрова валяются'; сл. *соослэн аслаз кварт'и-разы к а рын*. ВМоч. 'У них у самих квартира в Слободском'. Подобные формы бытуют также в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта.

В ареале глазовского и бализинского говоров среднечепецкого диалекта, по нашим данным, наблюдается функционирование параллельных форм *асламылэн ~ аслам* 'у нас у самих', *асладылэн ~ аслад* 'у вас у самих', *аслазылэн ~ аслаз* 'у них у самих'. Формы *асламылэн, асладылэн, аслазылэн* образованы от генитивной основы единственного числа с помощью падежного форманта -лэн.

В верхнечепецких говорах плюральные формы генитива усилительно-личных местоимений представлены вариантными формами *асмэлэн / аслам / асламылэн / ас'мэлэн, астэлэн / аслад / ас'тэлэн, ассэлэн / аслаз / ас'сэлэн*. Верхнечепецкие варианты *ас'мэлэн, ас'тэлэн, ас'сэлэн* совпадают с литературным языком и образованы присоединением к основе множественного числа (*ас'мэ, ас'тэ, ас'сэ*) падежного форманта -лэн. Формы *асламылэн, асладылэн, аслазылэн*, имеющие место в среднечепецких говорах, образованы от генитивной основы единственного числа с помощью падежного форманта -лэн.

2.4. В нижнечепецком диалекте плюральные формы датива представлены формами *аслэм* 'нам самим', *аслэд* 'вам самим', *аслээ* 'им самим'. Примеры: сл. *соос аслээ зкк корка пукти-зы*. Пес. 'Они **/самим/ себе** большой дом построили'; кос. *солы аслээ вэтлоно вал к и р о вэ*. Сиб. 'Ей **самой** бы надо съездить в Киров'. В отличие от этого, в говорах среднечепецкого диалекта датив описываемой группы местоимений может выражаться следующими вариантными формами: *аслэмылы / аслэм / ачимэ(с)лы* 'нам самим', *аслэдылы / аслэд / ачидэ(с)лы* 'вам самим', *аслэзылы / аслээ / ачизэ(с)ль* 'им самим'. В верхнечепецких говорах встречаются следующие плюральные формы датива: *ас'мэлы / ас-мэлы* 'нам самим', *ас'тэлы / астэлы* 'вам самим', *ас'сэлы / ассэлы* 'им самим'. Таким образом, в северноудмуртских диалектах датив усилительно-личных местоимений множественного числа также отмечается разнообразием форм.

Нижнечепецкие местоимения *аслэм, аслэд, аслээ* представляют собой усеченную форму датива от местоимений *аслэмыль, аслэдыль, аслэзыль*. Верхнечепецкие местоимения *ас'мэлы, ас'тэлы, ас'сэлы* совпадают с литературной формой и образованы присоединением к соответствующим основам множественного числа (*ас'мэ-, ас'тэ-, ас'сэ-*) суффикса дательного падежа -лы. Формы *аслэмылы, аслэдылы, аслэзылы*, употребительные в среднечепецком диалекте, вероятно, образованы по той же схеме, что и плюральные аккузативные формы: путем присоединения к генитивной форме единственного числа *аслам, аслад, аслаз* падежного маркера -лы.

2.5. В нижнечепецком диалекте инструменталь усиленно-личных местоимений множественного числа представлен формами *ачимэсэн* ‘нами самими’, *ачидэсэн* ‘вами самими’, *ачизэсэн* ‘ими самими’, которые образованы путем присоединения к номинативной основе множественного числа *ачимэс*, *ачидэс*, *ачизэс* падежного форманта *-эн*. Примеры: сл. *ачимэсэн пэпэс’мы йун кэма улис шна*. Пес. ‘С нами /самими/ наш дед очень долго еще жил’; кос. *ачизэсэн пуктэмын корказы но*. Ок. ‘Ими самими построен и дом свой’.

В отличие от этого, среднечепецкий и верхнечепецкий диалекты ориентированы на образование рассматриваемых форм от основы *ас-* посредством падежного форманта *-эн* и соответствующего лично-притяжательного суффикса: сч. *асэны·мы* (*асэнымы*), вч. *асэнымы* ‘нами самими’; сч. *асэны·ды* (*асэныды*), вч. *асэныды* ‘вами самими’; сч. *асэны·зы* (*асэнызы*), вч. *асэнызы* ‘ими самими’. Инструментальные формы местоимений *асэнь·мь*, *асэнь·дъ*, *асэнь·зъ* характерны также для бесермянского наречия [22. С. 188; 18. С. 94]. Во многих удмуртских диалектах, в частности, срединных и южных говорах, инструменталь усиленно-личных местоимений множественного числа представлен формами *ас’мэмын*, *ас’тэдын*, *ас’сэзын*.

2.6. В нижнечепецком диалекте усиленно-личные местоимения, подобно личным местоимениям и группе одушевленных существительных со значением человека, лица [6. С. 36; 7. С. 231], могут принимать показатели приблизительно-местных падежей с *-н’*-евым элементом, возникших в результате трансформации послелогов с основой *дин’*- ‘у, около, при, возле’. В наших лингвистических материалах зафиксированы примеры на употребление приблизительно инессива и приблизительно иллатива. Примеры: сл. *з’ и н а ат’а асн’аз соглаш тил’эдэс бас’тыны*. Свет. ‘Тетя Зина к себе /самой /домой согласна вас взять’; кос. *мим асн’ам быдэс гужэмзэ ик ули·зы внукйосы*. Ас. ‘В прошлом году у меня /у самой/ дома целое лето же жили внуки’. Функционирование серии приблизительно-местных падежей присуще также для среднечепецкого диалекта [7. С. 231-232] и бесермянского наречия [17. С. 94].

В верхнечепецких, как и в большинстве удмуртских диалектов, усиленно-личные местоимения не имеют форм приблизительно-местных падежей: им соответствуют послеложные конструкции с послелогом с основой *дин’*- ‘у, около, возле, при’ (верхнечепецкие говоры) и *дор-* ‘у, около, возле, при’ (срединные говоры и южноудмуртские диалекты).

2.7. Аппроксимативные формы усиленно-личных местоимений в ареале распространения нижнечепецкого диалекта нами не зафиксированы. Функцию данного падежа чаще всего выполняет послеложная конструкция: местоимение в номинативе + послелог *пала* ‘по направлению к, в сторону’: *ачим пала*, *ачым пала* ‘в сторону меня самого; по направлению ко мне самому’; *ачид пала*, *ачыд пала* ‘в сторону тебя самого; по направлению к тебе самому’; *ачиз пала*, *ачыз пала* ‘в сторону его самого (ее самой); по направлению к нему самому (к ней самой)’ и т. д. В других северных диалектах, как и в большинстве удмуртских диалектов, аппроксиматив также имеет тенденцию к исчезновению.

Процесс ослабления морфологического оформления аппроксиматива в северных диалектах не только в системе местоимений, но и существительных, имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Как отмечает Н. В. Кондратьева, «низкая дистрибутивная нагрузка направительного падежа в современном удмуртском языке обосновывается широкой дистрибутивной нагрузкой послеложных конструкций в данном значении» [16. С. 205]. Следует отметить, что во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах также наблюдается тенденция замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями.

Таковы вкратце наиболее характерные особенности в функционировании усиленно-личных местоимений в нижнечепецком диалекте. Как показывает материал, специфика данной группы местоимений в указанном диалекте в большей степени обусловлена 1) фонетическими особенностями диалекта; 2) выбором основы при образовании падежных форм (номинативной, генетивной, дативной); 3) различной комбинацией суффиксов при словоизменении; 4) неодинаковой дистрибуцией падежных форм. Вариативность усиленно-личных местоимений в удмуртском диалектном континенте указывает на инновационные процессы в их становлении и генезисе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) удмуртские диалекты: вч. – верхнечепецкий диалект (верхнечепецкие говоры) северного наречия, кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта, сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта, сч. – среднечепецкий диалект (среднечепецкие говоры) северного наречия;

б) населенные пункты:

- *слободской говор*: ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Пес. – д. Пески, Свет. – д. Светозарево;
- *уинский говор*: Ас. – д. Астрахань, Берез. – д. Березник, Ок. – пос. Октябрьский, Сиб. – д. Сибирь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов Г.А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 84-92.
2. Архипов Г.А. О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 162-168.
3. Архипов Г.А. Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990. С. 3-13.
4. Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
5. Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
6. Карпова Л.Л. Личные местоимения в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2010. Вып. 44. № 17 (198). С. 32-39.
7. Карпова Л.Л. Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Красноярского университета. Красноярск, 2011. № 4. С. 231-236.
8. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
9. Карпова Л.Л. Дебесские говоры в системе говоров Верхней Чепцы // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. Ижевск, 2015. Вып. 5. С. 48-56.
10. Карпова Л.Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. Ижевск, 2016. Вып. 3. С. 107-114.
11. Карпова Л.Л. Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2016. Т.6. Вып. 2. С. 17-36.
12. Карпова Л.Л. Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2017. Т. 11. Вып. 1. С. 7-24.
13. Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. XXX + 475 + [Приложение]. 175 с.
14. Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с.
15. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
16. Кондратьева Н.В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 255 с.
17. Люкина Н.М. Некоторые особенности говора слободских удмуртов // Актуальные проблемы изучения литературы и языка в вузе и школе: Четвертые Татаринцевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. Глазов, 2008. С. 152-154.
18. Люкина Н.М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
19. Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
20. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
21. Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.
22. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970а. 288 с.
23. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S.

Поступила в редакцию 17.07.17

L.L. Karpova

FUNCTIONING OF INTENSIVE-PERSONAL PRONOUNS IN THE LOWER CHEPTSA DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE

The paper analyzes features of intensive-personal pronouns in the Lower Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt dialect. An actual problem is to reveal the basis and place of the given territorial-language version in the Northern dialect space of the Udmurt language. The author focuses on specific characteristics distinguishing the studied dialect from other Northern Udmurt subdialects. The researcher also highlights specific phenomena in the inflectional system of intensive-personal pronouns, reveals some features in the number of cases, and focuses on specific phenome-

na in the form of some cases. Language phenomena of the Lower Cheptsa subdialects are compared with analogous phenomena of the Northern Udmurt dialects and other subdialects. The data presented show that according to the main features of inflection of intensive-personal pronouns the Lower Cheptsa dialect bears closest similarities to the Middle Cheptsa subdialects of the Northern Udmurt dialect. The research is based on the materials collected by the author during several expeditions to the Lower Cheptsa Udmurts from 2014 to 2017.

Keywords: Udmurt language, dialectal morphology, Northern dialects, Lower Cheptsa dialect, intensive-personal pronouns, inflectional paradigm.

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор философии по специальности «Уральские языки»,
старший научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova L.L.,
PhD: Uralic languages,
Senior Research Associate

Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: karpovalud@rambler.ru